

День и правда выдался холодным. Сюй Юфан и раньше переживала за Лин Сина из-за его слабого здоровья и однажды ночью специально заглянула к нему в комнату. И хорошо, что заглянула - у парня лицо было посиневшее от холода. Жаровню ставить она побоялась: дым тяжёлый, если человек крепко уснёт, беды не оберёшься. Потому и нашла старую меховую одежду, которой прежде укрывался Шэнь Хуан, и накрыла ею Лин Сина, чтобы согреть. Она ещё какое-то время посидела рядом, убедилась, что ему стало теплее, и лишь после этого тихо вышла.

Сейчас Сюй Юфан кивнула:

— Можно. Перед сном немного протопить, чтобы в комнате был тёплый дух. Перед уходом далан больше всего переживал за своего новобрачного фулана. А этот ребёнок после его смерти и сам чуть следом не ушёл... Только вошёл в наш дом и сразу стал вдовцом. Больше всех мы, семья Шэнь, перед ним виноваты. Раз уж здоровье у него слабое, нам тем более нужно за ним приглядывать.

С этими словами Сюй Юфан взяла Цао Маньюэ за руку и мягко похлопала по ней:

— Четвертая невестка, ты человек добрый. Весной, как только я смогу снова брать вышивку на заказ и заработаю немного денег, сошью тебе и детям по паре обуви.

Цао Маньюэ улыбнулась и покачала головой. Семья Шэнь была бедной, а до того и вовсе почти полностью опустошила свои запасы, пытаясь удержать жизнь старшего сына, но у неё не было ни тени ропота. Все заработанные деньги она без остатка отдавала в общий дом, не утаивая ни одной монеты.

Дом свекров был беден, да, но в нём было человеческое тепло. В семье Шэнь к ней относились как к человеку. Домочадцы изо всех сил старались, чтобы она и дети могли хотя бы поесть горячего и не голодать. По сути, такую женщину, как она, разведённую, да ещё и с двумя детьми, не взял бы в жёны ни один, даже самый нищий, дом. Единственный шанс был бы отказаться от детей: тогда, возможно, нашёлся бы мужчина с каким-нибудь увечьем или изъяном, согласный жениться. Но если бы она отказалась от детей, прежняя семья мужа продала бы их, как товар, не раздумывая.

Это были дети, которых она выносила под сердцем десять долгих месяцев, с болью и страхом рожала сама. Кто, если не она, станет беречь их и любить?

Только семья Шэнь согласилась принять её и принять её детей. Что с того, что едят они плохо и одеваются скудно? Главное, она и дети живы, у них есть крыша над головой. Она всегда верила: если относиться к людям по-доброму, то и люди ответят тем же. Прежняя семья мужа была сущим кошмаром, но семья Шэнь - совсем другое дело. Каждую ночь, просыпаясь во тьме, Цао Маньюэ снова и снова благодарила судьбу за то, что оказалась именно в этом доме. Она понимала и слова свекрови - те были сказаны не только из заботы о старшей невестке, но и для того, чтобы успокоить её саму, чтобы в её сердце не зародилось недовольство или обида.

Хорошая жизнь не даётся сама собой, её нужно беречь и выстраивать. Свёкор и свекровь никогда по-настоящему её не обделяли, и Цао Маньюэ это прекрасно понимала. Она не собиралась становиться той, кто вносит раздор в дом; ей хотелось лишь, чтобы вся семья жила в мире и согласии, понемногу налаживая быт.

— Мама, я знаю, что вы заботитесь обо мне и о детях. Старшая невестка - тот, о ком далан больше всего переживал, перед смертью он просил нас присмотреть за ним. Пусть я и невестка младшего, но по возрасту всё же куда старше его, так что мне и самой хочется о нём позаботиться, — сказала Цао Маньюэ спокойно и искренне.

Не нужно было говорить прямо, все и так поняли, что она имеет в виду. Она не станет ревновать к той заботе, которой в доме окружали Лин Сина, и не позволит зависти или обиде поселиться в сердце.

Смысл её слов Сюй Юфан уловила сразу. Ей и правда было жаль эту невестку. Она с нежностью убрала выбившуюся прядь волос с лица Цао Маньюэ и тепло улыбнулась. Ради семейного согласия четвёртая невестка действительно много терпела. Сюй Юфан когда-то и сама была невесткой, и потому хорошо это понимала. Сколько людей раньше судачило, что семья Шэнь поступила глупо, взяв в дом женщину с подпорченной репутацией - разведённую, с двумя «нахлебниками». Но никто не знал, что именно эту невестку она когда-то сама, тайком от других, присмотрела для сына. В глазах Сюй Юфан лучше Цао Маньюэ просто не было.

— Маньюэ... спасибо тебе, — тихо сказала она.

Когда твои уступки и забота о семье замечены, приняты и ценятся, а не считаются чем-то само собой разумеющимся, сердце невольно откликается теплом. Глаза Цао Маньюэ тоже покраснели. Боясь расплакаться и тем самым поставить себя в неловкое положение, она поспешно сказала:

— Мама, я пойду переберу бобы.

В уголках глаз Сюй Юфан тоже блеснула влага. Она отозвалась коротким «иди», позволяя ей уйти.

Пока свекровь с невесткой говорили, трое мужчин молча пили горячую воду, не вмешиваясь. Сюй Юфан легонько ткнула пальцем в лоб стоявшего рядом Шэнь Гуя и строго сказала:

— Тебе с женой повезло, слышишь? Она человек хороший. Не смей пользоваться тем, что она старше тебя на несколько лет, что бережёт тебя и уступает во всём, и уж тем более не смей её обижать.

Шэнь Гуй был недурён собой, да и ростом вышел. В семье Шэнь вообще не было ни некрасивых, ни низкорослых, все как на подбор.

Услышав, как мать его одёрнула, Шэнь Гуй тут же закивал, поспешно заверяя:

— Не беспокойся, мама. Если Маньюэ скажет «раз», я никогда не скажу «два».

Сюй Юфан, впрочем, не слишком в это верила. Характер у Шэнь Гуя пошёл в дядю, с примесью ветрености и лихости. Лицом он хорош, язык у него сладкий, умеет заговорить и очаровать. В деревне немало девушек и геров теряли от него голову. Если бы не крайняя бедность семьи, из-за которой родители тех строго держали в узде и не позволяли «сходить с ума», кто знает, сколько бы Шэнь Гуй уже нажил себе любовных историй.

У семьи и без того было забот выше головы - болезнь Шэнь Хуана выматывала всех до предела, не до того было, чтобы круглые сутки следить за младшим сыном. Вот и решили: проще всего поскорее женить его, пусть жена присматривает. Цао Маньюэ была человеком мягким и добрым. Будучи разведённой и приведя с собой двоих детей, она постоянно жила с опасением: как бы семья Шэнь не начала тяготиться ею и не пожалела о своём решении.

Всё это Сюй Юфан прекрасно понимала. Слова Шэнь Гуя она слушала вполуха, принимая их за пустую болтовню. Вот если бы он сказал, что скажет «раз», а Маньюэ не посмеет сказать «два», - в это она ещё могла бы поверить.

— Я тебя разве не знаю? — строго продолжила она. — Услышал ты мои слова или нет, дело твоё. Но если после этого ты посмеешь обидеть Маньюэ или детей, не вини меня, если я, как мать, забуду о материнской привязанности.

Слова были жёсткие, с явной угрозой - предупреждение без всяких прикрас. Шэнь Гуй не осмелился ни шутить, ни заискивать. Он послушно опустил голову и кивнул:

— Понял, мама. Пойду помогу Маньюэ перебирать бобы.

Он не успел договорить, как уже выскочил из кухни.

Отчитав четвёртого сына, Сюй Юфан перевела взгляд на остальных. Второй сын с детства был спокойным и надёжным, никогда не доставлял хлопот - ему она ничего говорить не стала. Зато повернулась к Шэнь Чэншаню и добавила:

— А ты тоже присматривай за четвёртым, и за Лай-гером строже следи, воспитывай как следует.

Пока Шэнь Хуан был жив, он, как старший брат, хоть и постоянно болел, всё же внимательно следил за младшими братьями и сёстрами. Когда есть старший, который присматривает и удерживает рамки, взрослые пусть и заняты, но дети всё-таки не сбиваются с пути. Теперь Шэнь Хуана не стало, и жизнь семьи Шэнь неизбежно должна была пойти по-новому. Родителям больше нельзя было думать только о том, как заработать на пропитание, нужно

было уделять больше внимания детям.

Шэнь Гуй словно пёстрая бабочка, ветреный и беспокойный; Шэнь Лай - как маленький бешеный пёс. Один другого беспокойнее. Шэнь Чэншань, который всё это время молча пил воду, стараясь лишней раз не привлечь к себе внимания, всё равно оказался назван. Он поспешно поставил чашку и закивал:

— Ладно, ладно, пойду поговорю с Лай-гером.

Сюй Юфан тут же метнула в него сердитый взгляд.

— Да что с тобой, старик? — проворчала она. — Лай-гер в последние дни и так редко послушный. Чего ты сейчас к нему цепляешься?

Шэнь Чэншань, уже было поднявшийся с места, теперь не знал, что делать - ни сесть обратно, ни уйти.

Он как раз ломал голову, подбирая слова, как вдруг раздался ясный, чистый голос:

— Папа, мама.

Лин Син, закутавшись в меховую куртку, вошёл в кухню, из-под одежды виднелись лишь его большие, круглые глаза.

Шэнь Чэншань будто спасение увидел и обрадованно заговорил:

— О, Син-гер пришёл! Проголодался? Мама как раз собирается готовить, подожди немного.

Лин Син покачал головой:

— Я не голоден. Я пришёл по делу, хотел кое-что обсудить с папой и мамой.

Только войдя, он заметил Шэнь Хуэя. Высокая фигура того производила ощутимое давление. Лин Син поднял голову и с улыбкой сказал:

— Второй брат, здравствуй.

Когда гер, заметно младше его, назвал его младшим братом, брови Шэнь Хуэя едва заметно приподнялись.

— Угу... старшая невестка, — спокойно ответил он.

<http://bllate.org/book/13938/1243911>